

Лесное эхо

Мне было тогда лет пять или шесть. Мы жили в деревне.

Однажды мама пошла в лес за земляникой и взяла меня с собой. Земляники в тот год уродилось очень много. Она росла прямо за деревней, на старой лесной вырубке.

Как сейчас, помню я этот день, хотя с тех пор прошло более пятидесяти лет. День был по-летнему солнечный, жаркий. Но только мы подошли к лесу, вдруг набежала синяя тучка, и из неё посыпался частый крупный дождь. А солнце всё продолжало светить. Дождевые капли падали на землю, тяжело шлёпались о листья. Они повисали на траве, на ветвях кустов и деревьев, и в каждой капле отражалось, играло солнце.

Не успели мы с мамой стать под дерево, как солнечный дождик уже кончился.

— Погляди-ка, Юра, как красиво, — сказала мама, выходя из-под веток.

Я взглянул. Через всё небо разноцветной дугой протянулась радуга. Один её конец упирался в нашу деревню, а другой уходил далеко в заречные луга.

— Ух, здорово! — сказал я. — Прямо как мост. Вот бы по нему пробежаться!

— Ты лучше по земле бегай, — засмеялась мама, и мы пошли в лес собирать землянику.

Мы бродили по полянам возле кочек и пней и всюду находили крупные спелые ягоды.

От нагретой солнцем земли после дождя шёл лёгкий пар. В воздухе пахло цветами, мёдом и земляникой. Потянешь носом этот чудесный запах — будто какой-то душистый, сладкий напиток глотнёшь. А чтобы это ещё больше походило на правду, я срывал землянику и клал её не в корзиночку, а прямо в рот.

Я бегал по кустам, стряхивая с них последние дождевые капли. Мама бродила тут же неподалёку, и поэтому мне было вовсе не страшно заблудиться в лесу.

Большая жёлтая бабочка пролетела над полянкой. Я схватил с головы кепку и помчался за ней. Но бабочка то спускалась к самой траве, то поднималась вверх. Я гонялся, гонялся за ней, да так и не поймал — улетела куда-то в лес.

Совсем запыхавшись, я остановился и огляделся кругом. «А где же мама?» Её нигде не было видно.

— Ау! — закричал я, как, бывало, кричал возле дома, играя в прятки.

И вдруг откуда-то издали, из глубины леса, слышалось ответное: «Ау!»

Я даже вздрогнул. Неужели я так далеко убежал от мамы? Где она? Как же её найти? Весь лес, прежде такой весёлый, теперь показался мне таинственным, страшным.

— Мама!.. Мама!.. — что было сил завопил я, уже готовый расплакаться.

«А-ма-ма-ма-ма-а-а-а!» — будто передразнил меня кто-то вдали. И в ту же секунду из-за соседних кустов выбежала мама.

— Что ты кричишь? Что случилось? — испуганно спросила она.

— Я думал, ты далеко! — сразу успокоившись, ответил я. — Там в лесу кто-то дразнится.

— Кто дразнится? — не поняла мама.

— Не знаю. Я кричу — и он тоже. Вот послушай! — И я опять, но уже храбро крикнул: — Ау! Ау!

«Ау! Ау! Ау!» — отозвалось из лесной дали.

— Да ведь это эхо! — сказала мама.

— Эхо? А что оно там делает?

— Ничего не делает. Твой же голос отдаётся в лесу, а тебе кажется, что кто-то тебе отвечает.

Я недоверчиво слушал маму: «Как же это так? Мой же голос — и мне отвечает, да ещё когда я уже сам молчу!»

Я опять попробовал крикнуть:

— Иди сюда!

«Сюда-а-а-а!» — откликнулось в лесу.

— Мама, а может, там всё-таки кто-нибудь дразнится? — нерешительно спросил я. — Пойдём-ка посмотрим.

— Вот глупый какой! — засмеялась мама. — Ну пойдём, если хочешь, только никого мы с тобой не найдём.

Я взял маму на всякий случай за руку: «Кто его знает, что это за эхо!», и мы пошли по дорожке в глубь леса. Изредка я покрикивал:

— Ты здесь?

«Зде-е-е-сь!» — отвечало впереди.

Мы перебрались через лесной овраг и вышли в светлый берёзовый лесок. Тут было совсем не страшно.

Я отпустил мамину руку и побежал вперёд.

И вдруг я увидел «эхо». Оно сидело на пеньке спиной ко мне. Всё серое, в серой лохматой шапке, как леший с картинки из сказок. Я вскрикнул и бросился назад к маме:

— Мама, мама, вон эхо на пеньке сидит!

— Что ты всё глупости говоришь! — рассердилась мама.

Она взяла меня за руку и храбро пошла вперёд.

— А оно нас не тронет? — спрашивал я.

— Не дури, пожалуйста, — ответила мама.

Мы вышли на полянку.

— Вон, вон! — зашептал я.

— Да это же дедушка Кузьма коров пасёт!

Услышав мамин голос, «эхо» обернулось, и я увидел знакомую белую бороду, усы и брови, тоже белые, как из ваты, будто их нарочно приклеили к загорелому, сморщенному, как печёное яблоко, лицу.

— Дедушка, а я думал, ты — эхо! — закричал я, подбегая к старику.

— Эхо? — удивился тот, опуская деревянную дудочку — жалейку, которую он

выстругивал ножом. — Эхо — это, милый, не человек. Это лесной голос.

— Как «лесной голос»? — не понял я.

— А так. Ты крикнешь в лесу, а он тебе и откликнется. Каждое деревце, каждый кустик отзвук даёт. Вот послушай, как мы с ними переговариваемся.

Дед поднял свою дудочку — жалейку — и заиграл нежно, протяжно. Он играл, словно напевал какую-то грустную песенку. А где-то далеко-далеко в лесу ему вторил другой такой же голос.

Подошла мама и села на соседний пенёк. Дедушка кончил играть, и эхо тоже кончило.

— Вот, сынок, слышал теперь, как я с лесом перекликаюсь? — сказал старик. — Эхо — это самая душа леса. Что птица свистнет, что зверь закричит — всё тебе передаст, ничего не скроет. А ты ходи по лесу да слушай его. Оно тебе всю лесную тайну откроет.

Так я тогда и не понял, что же такое эхо. Но зато на всю жизнь полюбил его, полюбил, как таинственный голос леса, как песню жалейки, как старую детскую сказку.

И теперь, через много-много лет, только услышу эхо в лесу — сразу вспоминается мне: солнечный день, берёзы, полянка и посреди неё на старом пне что-то лохматое, серое. Может, это наш деревенский пастух сидит, а может, и не пастух, а сказочный дедушка-леший. Сидит он на пеньке, строгаёт кленовую дудочку — жалейку. А потом будет играть на ней в тихий вечерний час, когда засыпают деревья, трава и цветы и медленно из-за леса выбирается рогатый месяц и наступает летняя ночь.